

Фрагментация политико-экономической системы в России: история и современность

Левин Сергей Николаевич

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, e-mail: levin.sergey.n@gmail.com

Саблин Кирилл Сергеевич

Российский государственный институт сценических искусств, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sablin_ks@mail.ru

Цитирование: Левин С.Н., Саблин К.С. (2024). Фрагментация политико-экономической системы в России: история и современность. *Terra Economicus* 22(4), 19–33. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-4-19-33

В представленной статье проблемы современной фрагментации политико-экономической системы в России рассматриваются в контексте действия эффектов исторической обусловленности развития и блокировки. Методология исследования сочетает модели и инструментарий новой политической экономики, новой институциональной экономической теории и мир-системного подхода. Проведенный анализ показал, что встраивание России как мир-империи в глобальную мир-экономику объективно приобрело фрагментарный характер. Фрагменты функционировали как анклав, обособленные от основной части экономики. В результате экономика и общество интегрировались механизмами политико-административной централизации. Показано, в каких формах воспроизводилась ситуация сочетания фрагментации экономических рынков и политико-административной централизации в имперский, советский и современный периоды. Особое значение имели конфигурации институтов, определяющих соотношение правил политико-экономического взаимодействия внутри страны и режимов закрытости/открытости. Развитие отечественной экономики в постсоветский период показало необходимость преодоления фрагментации политико-экономической системы в форме анклавной двойственной экономики. При этом как попытки формирования в России экономики инновационного типа, так и проекты реиндустриализации пока не обеспечили появления полюсов роста с длинными и разветвленными цепочками создания стоимости и выход на траекторию долговременного экономического развития. Ситуация после февраля 2022 г. породила новые вызовы и показала, что условием развития страны является формирование политико-экономической системы, обеспечивающей баланс между решением задач преодоления фрагментации экономических рынков и объективной необходимостью сохранения политико-административной централизации. В статье дана сравнительная характеристика двух конкурирующих дискретных структурных альтернатив организации такой системы.

Ключевые слова: политико-экономическая система; фрагментация; глобальная мир-экономика; мир-империя; анклавная двойственная экономика; дискретные структурные альтернативы

The fragmentation of political and economic system in Russia: Past and present

Sergey N. Levin

Financial University; Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

e-mail: levin.sergey.n@gmail.com

Kirill S. Sablin

Russian State Institute of Performing Arts, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sablin_ks@mail.ru

Citation: Levin S.N., Sablin K.S. (2024). The fragmentation of political and economic system in Russia: Past and present. *Terra Economicus* 22(4), 19–33 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-4-19-33

This article explores the current challenges of the political and economic system in Russia in the context of path dependence and lock-in concepts. The research combines the methods of new political economy, new institutional economics, and the world-system approach. The analysis shows that when Russia became a world empire and integrated into the global economy, this integration was quite fragmentary. The separated enclaves were isolated from the main part of the economy. Consequently, the economy and society were integrated through political and administrative centralization. We demonstrate how the fragmentation of economic markets and the reproduction of political and administrative centralization occurred in different periods: the imperial, Soviet, and modern times. Particular attention is paid to the combination of institutions that determine the relationship between the rules of political and economic interaction within the country, on the one hand, and the regimes of closedness or openness, on the other hand. The economic development in the post-Soviet period has shown the need to overcome the fragmentation of the political and economic system, which has taken the form of a dual-enclave economy. However, attempts to build an innovative-type economy and reindustrialization projects have not yet facilitated the creation of growth poles with long and complex value chains and have not contributed to ensuring long-term economic development. The situation after February 2022 gave rise to new challenges. It became obvious that the country's development depends on creating a political and economic system that ensures a balance between overcoming the fragmentation of economic markets and the need to maintain political and administrative centralization. This article provides a comparative description of two alternative ways to organize such a system.

Keywords: political-economic system; fragmentation; global world-economy; world-empire; dual enclave economy; discrete structural alternatives

JEL codes: O43; P51

Введение

Проблема фрагментации политико-экономической системы России актуализировалась в пост-советский период в связи с возникновением и развитием феномена «анклавной двойственной экономики». Этот феномен был выделен и охарактеризован Дж. Стиглицем (Stiglitz, 2002). Он определил причины возникновения этого феномена, связав его с «провалами» в реализации институционального проекта Вашингтонского консенсуса, построенного на внедрении в странах с формирующимися рынками (Латинская Америка, Африка, ряд стран Азии, постсоциалистические страны) институтов, закрепляющих двойную либерализацию – внутреннюю и внешнюю. Провалы выразились в закреплении ведущей роли в экономике этих стран экспортно-ресурсного сектора, встроенного в глобальную экономику, но не создающего стимулов для модерни-

зации остальных секторов национальной экономики и общества. Проблема заключается в том, что возникшие анклавы богатства не формируют длинных и разветвленных цепочек создания стоимости в национальной экономике и не создают массового спроса на человеческий и продуктивный социальный капитал. В характеристике Дж. Стиглица показано, что экономическими субъектами анклавов богатства выступают глобальные ТНК, а политическими – местные политико-административные элиты. Выделенный им вариант анклавной двойственной экономики можно определить как классический. В этой связи возникает вопрос о причинах провала Вашингтонского консенсуса. С нашей точки зрения, можно выделить причины, связанные как с позицией проектировщиков, так и с интересами заказчиков. Провал теоретиков-проектировщиков заключался в упрощенной, пропущенной через призму либеральных подходов трактовке успешного опыта экспортно ориентированного развития азиатских тигров (стран первого эшелона НИС). С другой стороны, на рекомендации Вашингтонского консенсуса явно повлияли интересы глобальных ТНК. Возникший классический вариант анклавной двойственной экономики, сформировавшийся в странах Латинской Америки, Африки и ряде других стран, отражал конфигурацию интересов глобальных и национальных экономических и политических субъектов (Gallagher and Zarsky, 2007; Henderson et al., 2013; Hansen, 2014).

Возникновение анклавной двойственной экономики является проявлением общей проблемы, связанной с угрозой фрагментации политико-экономических систем стран с формирующимися рынками при их встраивании в глобальную мир-экономику (Валлерстайн, 2006). Проблему фрагментации необходимо рассматривать в контексте взаимосвязи внутренних закономерностей политико-экономического развития различных стран, с одной стороны, и соотношения открытости/закрытости их экономик по отношению к глобальной мир-экономике. В разных странах возникает различная конфигурация этих факторов, формирующих рамочные условия развития и границы действий реформаторов. В данной связи эти проблемы нужно рассматривать с использованием инструментария концепции эффекта исторической обусловленности развития и эффекта блокировки. В этом случае можно исследовать возникший в современной России неклассический вариант анклавной двойственной экономики как новую форму традиционной для нее фрагментации политико-экономической системы. Ситуация фрагментации воспроизводилась, принимая разные формы в имперский, советский и постсоветский периоды. При этом Россия в терминах мир-системного подхода выступала с точки зрения своей внутренней структуры как мир-империя, которая начиная с XIX в. встраивалась в глобальную мир-экономику. В результате все время воспроизводилось противоречие между «мир-имперскими» и «мир-экономическими» началами функционирования ее политико-экономической системы. Развитие экономических рынков носило фрагментарный характер и во многом было ориентировано на глобальную мир-экономику. В то же время интеграция экономики и общества внутри страны обеспечивалась политико-административными механизмами, характерными для мир-империй. С нашей точки зрения, появление глобальной мир-экономики не способно превратить такие страны, как Китай, Россия, Индия и ряд других стран, в ее неотъемлемую (органичную) часть. Механизмы политико-административной интеграции мир-имперского типа в разных вариациях продолжают играть ключевую роль в функционировании политико-экономических систем данных стран.

Целью статьи является характеристика истории и современного состояния политико-административных механизмов интеграции фрагментированной экономики и общества в России. Данная интеграция рассматривается в контексте их сложного взаимодействия с глобальной мир-экономикой, включающего разные комбинации режима открытости/закрытости.

Фрагментация политико-экономической системы в имперской России и СССР

Формирование и развитие такой системы является проявлением эффекта исторической обусловленности развития, поскольку как в имперский, так и в советский и постсоветский периоды экономика и общество в России характеризовались устойчивым существованием и переплетением процессов экономической фрагментации и политико-административной централизации.

Сложившаяся ситуация социально укоренена не только в советских, но и в досоветских практиках модернизации отечественной экономики. В условиях России инициатором модернизаци-

онного процесса выступали социально-политические силы, непосредственно не ориентированные на формирование системы, построенной на институтах либерального типа, предполагающих определенную автономию экономических рынков и политико-административной сферы. Российское общество исторически было структурировано как мир-империя, организационным центром которой выступала самодержавная власть. Эта власть инициировала реформы рыночного типа и частичную либерализацию политической системы, исходя из необходимости усиления экономических и геополитических позиций страны в условиях формирования глобальной капиталистической мир-экономики. В данном случае объективно возникало противостояние со странами-гегемонами мир-экономики (Великобритания, США) или претендующими на роль гегемона (Франция, Германия) (Арриги, 2006). При этом в глобальную мир-экономику встраивались лишь отдельные секторы российской экономики. Причем конкурентные позиции формирующегося капиталистического анклава обеспечивались массивной поддержкой со стороны имперского государства. Политико-административные механизмы использовались для мобилизации ресурсов и их перераспределения в капиталистический анклав. В результате традиционный сектор выступал в качестве донора, который нес издержки модернизации и не получал заметных выгод от нее. Как следствие, можно трактовать имперскую Россию в конце XIX – начале XX в. как специфический вариант анклавной двойственной экономики.

Это означало, что функционирование предпринимательских структур в России было связано с использованием эксклюзивного политического ресурса. В результате функционирование и развитие капиталистического сектора оказалось построенным на сложных переплетенных процессах создания и перераспределения стоимости. Наличие политического ресурса являлось, с одной стороны, условием доступа к экономическим ресурсам, необходимым для ведения предпринимательской деятельности, а с другой – источником дополнительных выгод, связанных с перераспределением стоимости из традиционного анклава. При этом основным поставщиком экспортных товаров, прежде всего зерна, выступал традиционный анклав, однако через налоговые и другие политико-административные механизмы, созданные государством, стоимость перераспределялась в пользу капиталистического анклава. В свою очередь, последний был конкурентоспособен преимущественно на внутренних рынках, причем с учетом политической поддержки государства. Соответственно, формирующиеся экономические субъекты рыночной экономики не могли обеспечить свое воспроизводство без помощи государства, что превращало их в политизированных предпринимателей, деятельность которых была основана на тесном переплетении власти и бизнеса (Левин и др., 2022). В результате возникали закрытые социальные сети власти и бизнеса, при этом одновременно происходило переплетение процессов «захвата государства» и «захвата бизнеса». Исходя из вышесказанного, российский капитализм вполне можно было рассматривать как раннюю форму «капитализма приятелей» (Aligica and Tarco, 2014; Rubin, 2015). Анклавность данной системы заключалась в том, что она не формировала достаточно длинных и разветвленных цепочек создания стоимости, охватывающих традиционный сектор (прежде всего, аграрный) и обеспечивающих его модернизацию. Это вело к накоплению экономических и социальных противоречий в стране, которые ярко проявились в ходе Первой мировой войны и привели к слому имперской политико-экономической системы.

Советская политико-экономическая система изначально формировалась в чрезвычайных условиях. Принципиальное значение имел вопрос о накоплении физического и человеческого капитала, необходимого для того, чтобы не допустить отката на уровень стран периферии и выйти на траекторию ускоренного развития. Условием легитимации новой власти являлось обеспечение преодоления разрыва в уровне социально-экономического и технологического развития от стран центра мир-экономики. Существовали различные подходы к решению этих задач¹, однако общим являлся тезис об использовании механизмов политико-административной централизации и идеологической мобилизации общества. С позиции мир-системного анализа речь шла о специфической версии реализации стратегии «меркантилистского полуухода» (Валлерстайн, 2001). Данный тезис означал сохранение доступа к глобальной мир-экономике при использовании альтернативных конфигураций институтов. Результатом явилась тенденция к политизации

¹ См., например: Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Серия: Экономика социализма: антология идей. Л.: Лениздат, 1989.

и идеологизации хозяйственной системы. Это привело к превращению военно-промышленного комплекса и тяжелой промышленности в целом в привилегированный анклав богатства. В нем централизованно концентрировались лучшие ресурсы физического и человеческого капитала. Это обеспечивало его технологическую конкурентоспособность в рамках глобального соревнования в ходе «холодной войны», включая важные в статусном отношении успехи в освоении космоса и ядерной энергетики. В то же время анклавный характер этого сектора экономики проявился в том, что он не создавал широкомасштабных мультипликативных эффектов, не обеспечивал значимых стимулов для модернизации остальных секторов советской экономики.

По мере укрепления автономии различных звеньев номенклатуры, выступающих как группы интересов (Олсон, 1998), формально централизованная система постепенно трансформировалась в совокупность многоуровневых административных согласований (Авец, Широин, 1987). С. Кордонский характеризует эти формирующиеся группы как иерархию титульных и нетитульных сословий (Kordonsky, 2016: 163–169). В рамках партийно-хозяйственной иерархии происходила постепенная специализация на политизированных администраторов и специфических предпринимателей.

Политизированные администраторы качественно отличались по мотивации от веберовских рациональных бюрократов. Будучи членами административной иерархии, они активно «торговали» индивидуальным политическим ресурсом, укрепляя свой статус в ее рамках и извлекая частные выгоды. С другой стороны, в экономической литературе анализируется феномен специфического предпринимательства в рамках административных иерархий, при этом используются различные термины: *entrepreneurchiks* (Tarkowski, 1990), *bureau-preneurs* (Лу, 2000), *entrepreneurchiki* (Stoner-Weiss, 2006), политизированные предприниматели (Левин, Саблин, 2016). Политизированные администраторы выполняли также хозяйственные функции и выступали как носители политического ресурса, а представители хозяйственной номенклатуры выполняли административные и политические функции и активно использовали политический ресурс для реализации своих экономических интересов.

По мере продолжавшегося встраивания отечественной экономики в глобальные рынки постепенно менялся баланс ее открытости/закрытости. Например, в позднесоветский период развитие топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в лице, прежде всего, нефтегазового компонента оказалось связанным с интеграцией в глобальные рынки, включая доступ к западным технологиям (Simmons, 1975; Painter, 2014). Обеспечение «качественными» ресурсами традиционно приоритетного военно-промышленного комплекса (Яременко, 1981) все больше превращалось для хозяйственной номенклатуры ТЭК в политические обязательства, не дающие серьезных экономических выгод. Это проявилось в период перестройки и радикальных реформ, когда возникла коалиция интересов реформаторов и представителей ТЭК – В.С. Черномырдин, А.Б. Чубайс, Е.Т. Гайдар и др. Так или иначе, избранная в ходе перестройки модель реформирования в конечном счете привела к ускоренному распаду советской политико-экономической системы.

Анклавная двойственная экономика в постсоветской России

Распад советской политико-экономической системы не привел к развитию по пути утверждения политических и экономических институтов либерального типа. Советские административные торги (согласования) трансформировались в современный политико-административный рынок, в рамках которого возник специфический баланс между специализацией и переплетением функций политизированных администраторов и политизированных предпринимателей. Принципиально важно, что политизированные предприниматели, с одной стороны, выступают как организаторы производств, ведущих к созданию добавленной стоимости, а с другой – как субъекты, участвующие в перераспределении стоимости в рамках властной иерархии. В результате в современных условиях вновь воспроизвелась ситуация как при раннем (имперском) капитализме, характеризующая двойственную роль политического ресурса как фактора, открывающего эксклюзивный доступ к экономическим ресурсам, необходимым для создания добавленной стоимости, а также как средства соискания и получения рентных доходов. При этом экономика распадается на анклавы богатства, взаимоотношения между которыми базируются на переплетении цепочек создания и перераспределения стоимости. Принципиальное значение приобре-

тает вопрос о том, какие анклавов богатства конкурентоспособны на глобальных экономических рынках и обеспечивают создание стоимости, а какие базируются преимущественно на перераспределении стоимости в рамках современной вертикали власти как конфигурации многоуровневых горизонтальных и вертикальных статусных торгов.

Возникновение пирамиды анклавов богатства было обусловлено тем, что российская экономика и общество развиваются между полюсами экономической фрагментации и политико-административной централизации (Levin and Sablin, 2020). Соединение внутренней рыночной трансформации со встраиванием российской экономики в глобальную мир-экономику привело к тому, что конкурентоспособным оказался узкий круг отраслей и компаний преимущественно в экспортно-ресурсном секторе. В этом смысле в современной России не сформировалась целостная и саморегулирующаяся система конкурентных рынков ресурсов, товаров и услуг. Это означает, что экономические рынки в России фрагментированы. Российские компании и бизнес-группы конкурируют на практически не связанных друг с другом отдельных глобальных и внутренних рынках. Например, ПАО «Газпром» конкурирует на рынках Европы и Азии с другими поставщиками природного газа, как трубопроводного (альтернативный маршрут *TANAP*²), так и с ближневосточными (например, Катар) и американскими поставщиками сжиженного природного газа. Ярким примером зависимости от глобальных рынков послужили персональные санкции, направленные против О.В. Дерипаски³, которые поставили под угрозу всю алюминиевую отрасль России. В этих условиях экономика и общество в стране интегрируются политико-административным рынком. В России сложился политико-административный рынок централизованного типа. С позиции мир-системного подхода такая система может рассматриваться как современный вариант мир-империи, которая фрагментарно встроена в глобальную мир-экономику.

Использование мир-системного подхода операционализируется с помощью его интеграции с дискретным структурным анализом. Взаимодействие политических и экономических субъектов в рамках фрагментированной экономики рассматривается через сопоставление конкурирующих форм институциональной организации такого взаимодействия. Предложенный подход позволяет соединить инструментарий индуктивного описания институтов, развитого в рамках традиционного институционализма, с моделями, разработанными в новой институциональной экономической теории. Это позволяет перейти от качественного анализа к количественным исследованиям.

В рамках такой системы конечным источником политического ресурса выступает правящая группа. Особенностью российской правящей группы является высокая степень ее персонификации в фигуре президента, а также размытость и непрозрачность персонального состава других ее членов (это типично для образований имперского типа, в которых важное значение имеет не только формальный статус, но и персональные связи в рамках правящей группы). В ее состав можно включить узкий круг приближенных к президенту РФ высших администраторов и наиболее тесно связанных с ним влиятельных предпринимателей – «доверенных лиц» (А.Р. Ротенберг, Ю.В. Ковальчук, Г.Н. Тимченко, И.И. Сечин, С.В. Чемезов). Отечественный бизнес встроен на различных уровнях в вертикаль власти. В результате в России фрагментированные экономические рынки переплетаются с централизованным и интегрированным политико-административным рынком. Взаимосвязь между субъектами этих рынков идет по двум направлениям.

Во-первых, наличие индивидуального политического ресурса в рамках вертикали власти является условием эксклюзивного доступа к наиболее значимым экономическим ресурсам, определяющим конкурентоспособность российских компаний/бизнес-групп как на внутренних, так и на глобальных экономических рынках. Важно отметить, что поскольку правящая группа обладает суверенной властью, то в ее распоряжении находится политический ресурс. Индивидуальный доступ к нему со стороны других администраторов и предпринимателей определяется их местом в системе административных торгов. Для них, как для получателей, этот ресурс выступает как административный. Количественная оценка ценности индивидуального политического ресурса крупных предпринимателей в России может быть осуществлена посредством измерения влияния близости к власти на уровень капитализации компаний, контролируемых данными

² Trans Anatolian Natural Gas Pipeline Project. *TANAP*. <https://www.tanap.com/en/tanap-project> (accessed on July 22, 2024)

³ Минфин США согласился рассекретить основания для санкций против Дерипаски. *РБК*. <https://www.rbc.ru/business/27/12/2019/5e04a73f9a794773dfc4fee8> (дата обращения: 18.07.2024)

предпринимателями. Подобная оценка может быть произведена в том числе с использованием эконометрических моделей.

Во-вторых, во многих случаях политико-административные субъекты либо прямо замещают субъектов экономических рынков, выступая основными «покупателями» товаров и услуг отечественных компаний, либо определяют круг платежеспособных «покупателей» через политико-административные механизмы перераспределения и централизации доходов в пользу определенных социальных групп и территорий.

В этой связи возникает проблема соотношения источников возникновения и развития анклавов богатства. Они распадаются на две группы.

Первым источником выступают конкурентные преимущества на глобальных экономических рынках. В этом случае отечественные компании, государственные и частные, встраиваются в глобальные цепочки создания стоимости (Humphrey and Schmitz, 2001; Gereffi and Sturgeon, 2013). Роль политического ресурса ограничивается созданием благоприятных условий обеспечения доступа к экономическим ресурсам, в условиях России – к природно-минеральным ресурсам, которые формируют конкурентные преимущества.

Вторым источником является получение статусных преимуществ в рамках цепочек перераспределения стоимости. В этих условиях политико-административный рынок не только обеспечивает доступ к факторам производства, но и выступает непосредственным источником богатства.

Основу экономики России образует экспортно-ресурсный сектор, выступающий ключевым источником доходов, получаемых на глобальных экономических рынках. В результате российские бизнес-группы и компании данного сектора формируют первичные анклавов богатства. В этом случае наличие индивидуального политического ресурса позволяет им монополизировать доступ к природно-минеральным ресурсам и формировать для себя благоприятные индивидуальные режимы их использования. Свою продукцию они реализуют на глобальных экономических рынках, и данные рынки выступали для них важнейшим источником технологий и финансовых ресурсов, особенно вплоть до последнего времени.

Экспортно-ресурсные анклавов богатства – это контролируемые государственными и аффилированными с государством частными компаниями, которые обладают значительным политическим ресурсом, конкурентоспособные на глобальных рынках предприятия из отраслей добывающей промышленности и производящих продукцию первого передела. Данные анклавов богатства формируют поток доходов, выступающих основным источником как прибыли бизнеса, так и фискальных и квазифискальных платежей для государства. Владельцы этих бизнес-групп в обмен на политический ресурс берут на себя квазипубличные обязательства по финансированию проектов развития.

Таким образом, спецификой положения отечественных компаний, контролирующих экспортно-ресурсные анклавов богатства, является сочетание эксклюзивных преимуществ, получаемых внутри страны благодаря высокому статусу в рамках вертикали власти, с достаточно жестким конкурентным давлением в рамках глобальной экономики. Это создает во многих случаях достаточно мощные стимулы к модернизации экспортно ориентированных ресурсных отраслей. Примером этому могли служить достаточно серьезные успехи в технологической модернизации металлургической промышленности.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод о том, что, несмотря на все замечания об опасности ресурсного проклятия, до настоящего времени экспортно-ресурсный сектор определял конкурентные преимущества России на глобальных экономических рынках и выступал «чистым донором» для остальной экономики и общества.

Либеральные проекты диверсификации и трансформации отечественной экономики, начиная с экономической программы четыре «И» Д.А. Медведева, были построены на создании институциональных условий развития инновационного сектора. Это наиболее последовательно проявилось в «Стратегии 2020»⁴. Фактически она базировалась на проекте «догоняющей постиндустриализации» (Мау, 2002; Шишков, 2011). Данная стратегия предполагала решение трех основных задач.

Во-первых, создание институциональной среды, стимулирующей инвестиционную и инновационную активность частного бизнеса. Это означало, что субъектом модернизации должны были стать частные предприниматели, действующие на экономических рынках.

⁴ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. *КонсультантПлюс*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 18.07.2024)

Во-вторых, закрепление и расширение глобальных преимуществ в традиционных сферах (энергетика, переработка природно-минеральных ресурсов). Предполагалось, что при создании благоприятных институциональных условий российский частный бизнес укрепит свои конкурентные преимущества в рамках глобальных цепочек создания стоимости, связанных с ресурсным сектором.

В-третьих, в качестве основного направления диверсификации национальной экономики предполагалось формирование и ускоренное развитие инновационного сектора, встроенного в глобальную экономику. При этом предполагалось, что на этапе его становления он будет нуждаться в государственной поддержке. Комплекс мер по такой поддержке был прописан в Стратегии инновационного развития экономики России⁵. В ее рамках особое внимание было уделено созданию институтов развития, ориентированных на поддержку инновационного сектора (Инновационный центр «Сколково», АО «Роснано», технопарки, особые экономические зоны, центры трансфера технологий и т. д.).

Стратегия инновационного развития России была интегрирована с проектами трансформации научно-образовательного комплекса при ориентации последнего на обслуживание задач инновационной трансформации экономики. Однако предпосылка того, что реализация проектов институциональной и инновационной трансформации будет осуществляться в рамках укрепления автономии экономических и политических рынков, утверждения рыночных правил игры либерального типа, оказалась неверной. На практике эти проекты разрабатывались и реализовывались субъектами интегрированного политико-административного рынка централизованного типа. Причем либеральное экспертное сообщество выступило, по сути, как институциональный проектировщик, аффилированный с правящей группой. В результате программы стимулирования развития инноваций и реформирования научно-образовательного комплекса РФ привели на практике к возникновению инновационных/научно-образовательных анклавов богатства. Наиболее яркими примерами их служат Инновационный центр «Сколково» и НИУ ВШЭ. В этой связи необходимо обратить внимание на парадокс политики инновационного развития в России. Она позиционировалась как магистральный путь ухода от экспортно-ресурсной зависимости, способ перехода к экономике знаний. Однако анализ показывает, что такие образования, как «Сколково» и НИУ ВШЭ, представляют собой анклавов богатства, в наибольшей степени зависящие от политико-административного рынка и в наименьшей степени ориентированные на завоевание конкурентных позиций на экономических рынках. Зависимость этих анклавов богатства от цепочек перераспределения стоимости носила двоякий характер (Курбатова и др., 2020).

Во-первых, создание подобных анклавов потребовало огромных по масштабу объемов вливаний бюджетных средств, что обеспечило их доступ к необходимым ресурсам, в том числе к человеческому капиталу. Например, в 2013–2015 гг. Инновационный центр «Сколково» потратил на свою деятельность 65,5 млрд руб. из государственного бюджета⁶. В 2019 г. НИУ ВШЭ получил дополнительно 860,9 млн руб. в рамках «Программы 5-100»⁷.

Во-вторых, именно государство выступало основным «покупателем» проводимых в рамках анклавов богатства НИОКР и предоставляемых образовательных и экспертных услуг. По отношению же к глобальному инновационному и научно-образовательному сектору анклавов богатства выступали преимущественно как поставщики инновационного, научного и образовательного «полуфабриката» (субподрядчики глобальных инновационных компаний, магистранты и докторанты для университетов стран Европы и США, младшие партнеры в рамках международных научных сетей / коллабораций).

Таким образом, конкурентоспособность инновационных и научно-образовательных анклавов богатства определялась их положением на самой вершине цепочек перераспределения стоимости, поэтому они выступали чистым реципиентом, получавшим необходимые экономические ресурсы от экспортно-ресурсных анклавов богатства и остальной экономики (в этой связи можно отметить также масштабные процессы «перекачки» человеческого капитала из провин-

⁵ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. *Правительство России*. <http://government.ru/docs/9282/> (дата обращения: 22.07.2024)

⁶ О результатах контрольного мероприятия «Проверка использования средств федерального бюджета, направленных на реализацию мероприятий, связанных с созданием и обеспечением функционирования инновационного центра “Сколково” в 2013–2015 годах» (совместно с Федеральной службой безопасности Российской Федерации). *Счетная палата Российской Федерации*. <http://audit.gov.ru/upload/iblock/1e6/1e665e7c4e51f8357188a9508f7cc847.pdf> (дата обращения: 18.07.2024)

⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2019 г. № 179-р о распределении субсидий ведущим университетам в целях повышения их международной конкурентоспособности. *Правительство России*. <http://government.ru/docs/35706/> (дата обращения: 22.07.2024)

циальных университетов и академических учреждений в инновационные и научно-образовательные анклавы богатства).

Проведенный ранее анализ показывает, что попытки формирования в России экономики инновационного типа, которая обеспечила бы устойчивый и инклюзивный экономический рост, пока не увенчались успехом (Левин и др., 2016). Инновационные и научно-образовательные анклавы богатства носят, прежде всего, эксклюзивный характер. При этом они не являются серьезным «очагом» распространения современных технологий в других секторах экономики. Экспортно-ресурсные анклавы богатства остаются запертыми в секторах глобальной экономики с низкой добавленной стоимостью, не формируя наукоемкие кластеры, примером которых может служить нефтегазовый комплекс, сформировавшийся в Норвегии (Grønning et al., 2008; Engen, 2009). Как известно, данная страна выступает не только поставщиком нефти и газа, но и накопила серьезные конкурентные преимущества в производстве технологий и оборудования для их добычи и переработки. С другой стороны, не удалось добиться стратегических прорывов при реализации альтернативной стратегии диверсификации и повышения конкурентоспособности отечественной экономики, ориентированной на ее реиндустриализацию (Бодрунов, 2015; Бурлачков, 2015). Развитие обрабатывающей промышленности в ряде регионов страны не привело к формированию длинных цепочек создания стоимости.

Политико-экономическая система в России после февраля 2022 года: прорыв к целостной (связанной) экономике vs новая фрагментация

После февраля 2022 г. Россия столкнулась с тотальными санкциями со стороны США, ЕС, Японии и других стран центра мир-системы и их союзников. Это создало серьезные ограничения для функционирования встроенных в глобальную мир-экономику анклавов богатства как со стороны доступа на соответствующие рынки сбыта, так и через ограничение возможностей привлечения финансовых ресурсов и технологий, что особенно значимо в долговременном периоде. С другой стороны, возникшая ситуация создала стимулы для развития широкого круга отраслей национальной экономики, не входивших в сложившиеся анклавы богатства. Данные отрасли, как правило, были слабо интегрированы в глобальные цепочки создания стоимости. Кроме того, на внутреннем рынке многие компании из этих отраслей сталкивались с ограничениями, связанными с конкуренцией со стороны глобальных ТНК. Стимулы к развитию в новых условиях оказались связаны с двумя группами факторов.

Во-первых, резкий рост государственных расходов на национальную оборону породил достаточно мощные мультипликативные эффекты, позволившие говорить о так называемом «военном кейнсианстве» (Custers, 2010). Наибольшие стимулы к развитию получила обрабатывающая промышленность, которая исторически была прямо или опосредованно связана с ВПК.

Во-вторых, для компаний из нересурсного сектора возникли новые рыночные ниши, связанные как с импортными ограничениями, так и с уходом части иностранных ТНК с отечественных рынков⁸. В этой связи можно говорить о возможностях для импортозамещения, инициированно-го предпринимателями как субъектами экономических рынков.

В результате вместо прогнозируемого глубокого спада отечественной экономики⁹ в 2023–2024 гг. она достаточно существенно выросла¹⁰. Однако открытым остается вопрос о перспективах ее долговременного развития. Представляется, что выход на траекторию такого развития требует преодоления ситуации анклавной двойственной экономики и прорыва к целостной экономике, конкурентоспособной в глобальной мир-экономике. Целостность экономики означает формирование широкого круга связанных полюсов развития с длинными и разветвленными цепочками создания стоимости, переплетающихся между собой. В этой связи возникает вопрос

⁸ Reuters оценил в \$100 млрд. потери ушедших из России компаний. *РБК* <https://www.rbc.ru/business/28/03/2024/660507479a79476b0f1ffc63> (дата обращения: 25.07.2024)

⁹ Спад экономики в 2022 году оказался меньше, чем в пандемию. *РБК* <https://www.rbc.ru/economics/20/02/2023/63f3751b9a7947fbecbdf0c5> (дата обращения: 25.07.2024)

¹⁰ В ЦБ допустили рост российской экономики выше 3% в 2024 году. *РБК* <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2024/662b83709a79471ea15ac8eb> (дата обращения: 25.07.2024)

о соотношении использования инструментов экономических рынков и политико-административных механизмов при решении этой задачи.

Можно выделить две конкурирующие дискретные структурные альтернативы организации политико-экономической системы России, которые в краткосрочном периоде могут частично выступать как комплементы по отношению друг к другу. Однако в долгосрочном периоде возникает вопрос о выборе приоритетов. Реакция федеральных властей на новые вызовы во многом развивалась в русле политики «действия по обстоятельствам». Она включала как меры, связанные с опорой на потенциал предпринимательского сообщества и на механизмы экономических рынков, так и меры, которые можно охарактеризовать как дирижистские, ориентированные на запуск новых мегапроектов развития, инициированных и координируемых государством.

В первом случае речь идет об отказе от жестких вариантов закрытия национальной экономики, разрешении параллельного импорта, поощрении несырьевого экспорта, принятии мер по сохранению макроэкономической стабильности. С другой стороны, были инициированы программы обеспечения технологического суверенитета¹¹, политики импортозамещения¹² и ускорения интеграционных процессов в рамках БРИКС и ШОС как альтернативы институциональным механизмам глобальной мир-экономики. Эти меры можно рассматривать как составные элементы нового мегапроекта развития, призванного обеспечить формирование в России целостной (связанной) экономики при ведущей роли централизованных политико-административных механизмов.

Опора на централизованные политико-административные механизмы лежит в основе идей С.Ю. Глазьева, предполагающих реализацию «системной политики развития российской экономики». По его мнению, «политика развития включает в себя: определение приоритетов долгосрочного социально- и технико-экономического развития; сохранение и развитие научно-производственного потенциала страны; формирование на этой основе промышленной, научно-технической и финансовой политики. Ее необходимым элементом должно стать индикативное планирование, и она должна обеспечивать подъем отечественных предприятий, выращивание национальных лидеров – “локомотивов” экономического роста. Ключевое значение имеет создание системы стратегического планирования, способной выявлять перспективные направления экономического роста, а также направлять деятельность государственных институтов развития на их реализацию»¹³.

Возникают вопросы о потенциальной результативности такого проекта в условиях сложившейся институциональной среды, о целевых установках политических и экономических субъектов, вовлеченных в деятельность разнообразных государственных институтов развития.

Во-первых, требуют дополнительного обоснования предложенные варианты выделения приоритетов и их реализации в системе стратегического планирования. Результативность долгосрочного планирования была серьезной проблемой еще в советский период, притом что экономика СССР официально считалась планомерно регулируемой. Так, Р.А. Белоусов, анализируя длительный опыт планового управления советской экономикой, сделал вывод о том, что «задача превращения пятилетки в устойчивую форму планирования выдвигалась и на предыдущих этапах хозяйственного строительства, но ее не удавалось решить прежде всего из-за недостаточной обоснованности и совершенства самого пятилетнего плана, т. е. из-за недостаточно высокого качества того инструмента, с помощью которого надо не только указать перспективу движения в будущее, но и организовать это движение» (Белоусов, 1987: 337). В данной цитате речь шла о периоде до 1979 г., но опыт показал, что эту задачу решить так и не удалось. Безусловно, в новых условиях предложено выделять стратегические приоритеты в рамках индикативного планирования. Однако сам подход выделения приоритетов на основе концепции технологических укладов представляется достаточно спорным и «размытым». Сама классификация укладов преимущественно по отраслевому признаку вызывает сомнения. В современных условиях компании, формально относящиеся к аграрному или ресурсному секторам, могут оказаться инновационными и формирующими полюса

¹¹ Технологический суверенитет. ВЭБ.РФ. <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/tehnologicheskij-suverenitet/> (дата обращения: 26.07.2024)

¹² Программа импортозамещения в России в 2023 году. Национальные проекты России. <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/kurs-na-operezhenie-kak-v-rossii-realizuyut-programmu-importozameshcheniya/> (дата обращения: 26.07.2024)

¹³ Глазьев С.Ю. (2020). О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса. Информационное агентство Аврора. <https://aurora.network/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa> (дата обращения: 18.07.2024)

роста. Неслучайно, например, в концепции «умной специализации» выделяются инновации, отвечающие специфике ресурсной базы территорий, способные обеспечить конкурентоспособность в национальной и глобальной экономике регионов различного типа (аграрных, нефтегазовых, горнодобывающих, индустриальных и т. д.) (Караяннис, Григорудис, 2016).

Во-вторых, что особенно важно, необходимо обеспечить соответствие формально провозглашаемых и реальных целей политических и экономических субъектов, определяющих функционирование институтов развития. Провалы в работе таких структур как, например, АО «Роснано», являются общепризнанными как на уровне аналитических публикаций¹⁴, так и заключений государственных органов¹⁵. В этой связи возникает вопрос о результативности работы новых институтов развития, таких, например, как научно-образовательные центры (НОЦ) мирового уровня в регионах России. Эти институты развития призваны обеспечить координацию экономических и политических субъектов региона в интересах создания инновационной и конкурентоспособной на национальных и глобальных рынках продукции. Создание НОЦ, предусмотренных национальными проектами, должно было стимулировать появление полюсов роста, обеспечивающих стабильное функционирование всей цепочки создания стоимости. В рамках нормативной модели НОЦ региональная власть выступает инициатором их создания. После запуска она самоограничивает круг своих полномочий по управлению созданной структурой. В данном случае предполагается широкое использование механизмов экономических рынков. Однако мегапроекты развития иницируются в рамках вертикали власти. Происходит рассогласование институтов разного уровня, которое ведет к возникновению разрыва между нормативной и реальной моделью НОЦ. Формально предполагалось, что региональная власть «сверху» иницирует переход к преимущественно горизонтальным связям между участниками НОЦ. На практике она сохраняет ключевую роль в функционировании данного института развития. В результате НОЦ превращается в своеобразный «тетраэдр», центральной вершиной которого является региональная власть¹⁶. Для нее участие в создании НОЦ означает реализацию проекта, связанного с появлением прорывных технологий и свежих идей, позволяющих приблизиться к передовому краю мировой науки, а также открытие дополнительного канала доступа к бюджетным и квазибюджетным фондам. Создание НОЦ позволяет обеспечить отчетность перед правящей группой как заказчиком мегапроекта. Подобные действия ведут к тому, что появляется феномен «работы на показатель». Участники НОЦ выступают субъектами, которые, по сути, работают для формирования отчетов, содержащих достижение формальных показателей. Здесь проявляется такая форма рентаориентированного поведения, как участие в административных торгах (согласованиях-итерациях), объектом которых выступают целевые показатели и «проекты-рапорты». Дело в том, что целевые показатели НОЦ имеют нормативный характер, «закрепляются» за его участниками и монетизируются. Проведенный анализ позволяет выделить несколько уровней подобных торгов.

Первый уровень связан с определением целевых показателей, планируемых к достижению в рамках реализации программы деятельности всех НОЦ (курируется Министерством науки и высшего образования РФ)¹⁷. На втором (региональном) уровне происходит выбор целевых показателей, позволяющих «фиксировать» достижения конкретного НОЦ, однако они являются объектом постоянного пересмотра и варьируются в зависимости от меняющихся приоритетов развития, которые определяются на федеральном уровне. Примером могут выступить новые приоритетные направления научно-технологического развития и перечень наукоемких технологий, утвержден-

¹⁴ Почему «Роснано» оказалось на грани банкротства. *Российская газета*. <https://rg.ru/2023/10/04/pochemu-rosnano-okazalos-nagrani-bankrotstva.html> (дата обращения: 25.07.2024)

¹⁵ Доложили по Чубайсу: какие нарушения Счетная палата нашла в «Роснано». *РБК*. https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/04/2016/571e805d9a7947c6781397ea (дата обращения: 25.07.2024); Госдума инициировала проверку «Роснано». *Ведомости*. <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/10/10/999850-gosduma-initsirovala-proverku> (дата обращения: 25.07.2024)

¹⁶ НОЦ в форме тетраэдра: взаимодействие науки, образования, промышленности и власти в Кузбассе. *Наука в Сибири*. <https://www.sbras.info/articles/sciencestruct/notes-v-forme-tetraedra-vzaimodeistvie-nauki-obrazovaniya-promyshlennosti-i-vl> (дата обращения: 26.07.2024); Прибавляя в измерениях. «Треугольник Лаврентьева» превращается в тетраэдр. *Поиск*. <https://poisknews.ru/himiya/pribavlyaya-v-izmereniyah-treugolnik-lavrenteva-prevrashhaetsya-v-tetraedr/> (дата обращения: 26.07.2024)

¹⁷ Методические рекомендации по подготовке отчетов о результатах реализации программ деятельности и предложений о внесении изменений в программы деятельности и в состав участников научно-образовательных центров мирового уровня. *Министерство науки и высшего образования РФ*. <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/bd9/iat2snzb0vm5ug5e8c0wounh2j0pdywz.pdf> (дата обращения: 26.07.2024)

ные президентом РФ¹⁸. Третий уровень торгов связан с определением содержания и уровня монетизации достижения конкретного целевого показателя¹⁹. Таким образом, научно-образовательный центр превращается в организационную структуру, которая «сигнализирует» о движении к мировому уровню и функционирует в рамках своеобразной многоступенчатой «пирамиды отчетности». В реальности в большинстве случаев не происходит завоевания рыночных ниш, связанных с производством продукции, которая обладает свойствами декларируемой фронтальности.

По нашему мнению, более перспективным в долговременном периоде является выбор другой дискретной структурной альтернативы организации политико-экономического взаимодействия. Она предполагает использование политико-административной централизации не как субститута экономических рынков, а как инструмента расширения сферы их функционирования и превращения в целостную систему. Речь идет именно о преодолении ситуации фрагментированности экономических рынков как условия формирования связанной национальной экономики. В рамках такого подхода все государственные проекты развития должны быть встроены в экономические рынки и опираться на созидательный потенциал предпринимателей как экономических субъектов.

Проведенный ранее авторами анализ позволил выделить четыре группы предпринимателей: квазишумпетерианские предприниматели, институциональные предприниматели, крупные предприниматели со значимыми политическими связями и нишевые рентоискатели (Левин и др., 2017). Первые три группы обладают серьезным потенциалом для продуктивной деятельности. Устойчивость российской экономики, успешное занятие отечественными компаниями из нересурсного сектора новых рыночных ниш, использование возможностей параллельного импорта продемонстрировали высокие адаптивные способности квазишумпетерианских и институциональных предпринимателей (последние использовали свои политические связи для создания институциональных условий с целью развития продуктивной деятельности в различных сферах экономики). В сложившихся условиях ключевое значение приобретает изменение целевых ориентиров деятельности крупных предпринимателей со значимыми политическими связями, которые должны выступить центральными субъектами, интегрирующими экономические рынки в единое целое. Однако такая переориентация сталкивается с серьезными ограничениями, выступающими как проявление действия эффектов исторической обусловленности развития и блокировки. Как уже отмечалось, основу их экономического положения образуют анклавов богатства, сложившиеся в экспортно-ресурсном секторе. Само функционирование таких анклавов обеспечивалось двойственной лояльностью крупных предпринимателей, с одной стороны, к правящей группе в рамках политико-экономической сети вертикали власти, а с другой – к центральным субъектам экономико-политических сетей глобальных цепочек создания стоимости в рамках глобальной мир-экономики.

Проведенное авторами исследование показывает, что в роли дискретных структурных альтернатив взаимодействия крупных отечественных предпринимателей с центральными субъектами глобальных цепочек создания стоимости и субъектами вертикали власти выступает выбор между стратегиями «выход» и «лояльность». Крупные предприниматели, выбравшие стратегию «выход» (П.О. Авен, М.М. Фридман), как правило, утрачивают как свои политические связи, так и большую часть экономических (рыночных) активов. Реальным является выбор между «чистой» лояльностью правящей группе и государству и сохранением в модифицированном виде двойственной лояльности (Левин, Саблин, 2022). Первый вариант выбрала наиболее влиятельная в рамках вертикали власти группа крупных предпринимателей (А.Р. и Б.Р. Ротенберги, Г.Н. Тимченко, Ю.В. Ковальчук, И.И. Сечин и ряд других). Они превращаются в операторов государственных мегапроектов развития. Однако это существенно подрывает их автономию как субъектов экономических рынков. Большинство крупных российских предпринимателей стремится сохранить двойственную лояльность (В.С. Лисин, А.А. Мордашов, В.О. Потанин и др.). Проблема заключается в том, что пока не выявлены варианты формирования конфигурации институтов, которые обеспечили бы комплементарность функций крупных предпринимателей со значимы-

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий». Информационно-правовой портал «Гарант». <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1725998/> (дата обращения: 26.07.2024)

¹⁹ Программа деятельности научно-образовательного центра мирового уровня «Кузбасс». Научно-образовательные центры мирового уровня. <https://xn--mlacy.xn--p1ai/about> (дата обращения: 26.07.2024)

ми политическими связями и их трансформацию в конкурентоспособных субъектов в рамках глобальных цепочек создания стоимости.

Заключение

Проведенный анализ показал, что фрагментация политико-экономической системы в современной России, отразившаяся в развитии анклавной двойственной экономики, является проявлением эффектов исторической обусловленности развития и блокировки. Последние определены спецификой встраивания России в глобальную мир-экономику. Страна исторически характеризовалась институтами мир-имперского типа вследствие своих масштабов и многоуровневой структуры экономики и общества. Такое встраивание объективно носило фрагментарный характер, порождая противоречия между анклавами и остальной экономикой. В результате сохранялась и воспроизводилась потребность в механизмах политико-административной централизации, характерных для мир-империй. Мы показали, в каких формах в имперский, советский и современный период воспроизводилась ситуация сочетания фрагментации экономических рынков и политико-административной централизации. Особое значение имели конфигурации институтов, определяющих соотношение правил политико-экономического взаимодействия внутри страны и режимов закрытости/открытости (закрытость выступала формой «меркантилистского полуухода», призванного укрепить позиции фрагментированной отечественной экономики в рамках глобальной мир-экономики).

На современном этапе развития, особенно после февраля 2022 г., условием долговременного экономического развития страны является формирование политико-экономической системы, обеспечивающей баланс между решением задач преодоления фрагментации экономических рынков и объективной необходимостью сохранения политико-административной централизации. В настоящее время в явном, а в большей мере в неявном виде конкурируют две альтернативные организации политико-экономической системы. Первая альтернатива предполагает реализацию государственного мегапроекта формирования в России целостной экономики при ведущей роли централизованных политико-административных механизмов. Анализ показывает, что при этом возникают риски воспроизводства проблем экономики советского типа. Особо следует выделить ориентацию государственных институтов развития на проекты-рапорты, имеющие достаточно обширные пересечения с практиками советского централизованного планирования и административных торгов.

Более перспективной в долговременном периоде представляется дискретная структурная альтернатива организации политико-экономической системы, ориентированная на трансформацию политико-административной централизации из субститута экономических рынков во взаимодополняющий механизм их функционирования. Данный подход ориентирован на использование созидательного потенциала предпринимателей как экономических субъектов. Опыт развития страны после февраля 2022 г. показал наличие серьезного продуктивного потенциала у сообщества отечественных предпринимателей. Но формирование целостной системы экономических рынков невозможно без превращения крупных предпринимателей со значимыми политическими связями в ее центральных субъектов. Однако нерешенным остается вопрос о поиске конфигурации институтов, которые обеспечили бы комплементарность функций крупных предпринимателей как конкурентоспособных субъектов в глобальной мир-экономике.

Литература / References

- Авен П.О., Широных В.М. (1987). Реформа хозяйственного механизма: реальность намечаемых преобразований. *Известия СО АН СССР. Серия «Экономика и прикладная социология»* 3(13), 33–37. [Aven, P., Shironin, V. (1987). Reform of the economic mechanism: Reality of the planned transformations. *Izvestiya of Siberian Branch of Academy of Sciences of USSR. Series "Economics and Applied Sociology"* 3(13), 33–37 (in Russian)].
- Арриги Дж. (2006). *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего. [Arrighi, G. (2006). *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. Moscow: Publishing House "Territoriya budushchego" (in Russian)].

- Белоусов Р.А. (1987). *Исторический опыт планового управления экономикой СССР*. М.: Мысль. [Belousov, R. (1987). *Historical Experience of Planned Governance of the USSR Economy*. Moscow: Mysl Publishing (in Russian)].
- Бодрунов С.Д. (2015). *Формирование стратегии реиндустриализации России*. СПб.: ИНИР. [Bodrunov, S. (2015). *Development of Strategy of Reindustrialization of Russia*. Saint-Petersburg: Publishing House of S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) (in Russian)].
- Бурлачков В.К. (2015). *Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз*. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова. [Burlachkov, V. (2015). *Reindustrialization of Economy of Russia in the Context of New Threats*. Moscow: Publishing House of Plekhanov Russian University of Economics (in Russian)].
- Валлерстайн И. (2001). *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга. [Wallerstein, I. (2001). *Analysis of World Systems and Situation in the Modern World*. Saint-Petersburg: Publishing House "Universitetskaya kniga" (in Russian)].
- Валлерстайн И. (2006). *Миросистемный анализ: Введение*. М.: Изд. дом «Территория будущего». [Wallerstein, I. (2006). *World-Systems Analysis: An Introduction*. Moscow: Publishing House "Territoriya budushchego" (in Russian)].
- Караяннис Э., Григорудис Э. (2016). Четырехзвенная спираль инноваций и «умная специализация»: производство знаний и национальная конкурентоспособность. *Форсайт* **10**(1), 31–42. [Carayannis, E., Grigoroudis, E. (2016). Quadruple innovation helix and smart specialization: Knowledge production and national competitiveness. *Foresight and STI Governance* **10**(1), 31–42 (in Russian)]. DOI: 10.17323/1995-459x.2016.1.31.42
- Курбатова М.В., Левин С.Н., Саблин К.С. (2020). «Утроенный провал» институционального проектирования в реформировании высшего образования России. *Journal of Institutional Studies* **12**(4), 94–111. [Kurbatova, M., Levin, S., Sablin, K. (2020). The "tripled failure" of institutional design of higher education reform in Russia. *Journal of Institutional Studies* **12**(4), 94–111 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.094-111
- Левин С.Н., Кислицын Д.В., Саблин К.С. (2016). Проблемы экономического роста в современной России: общая характеристика и региональный аспект. *Journal of Economic Regulation* **7**(4), 6–19. [Levin, S., Kislitsyn, D., Sablin, K. (2016). Problems of economic growth in modern Russia: General characteristics and regional aspect. *Journal of Economic Regulation* **7**(4), 6–19 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2078-5429.2016.7.4.006-019
- Левин С.Н., Саблин К.С. (2016). Предприниматели как субъект развития современной российской экономики: общая характеристика и специфика регионов «ресурсного типа». *Journal of Institutional Studies* **8**(2), 76–87. [Levin, S., Sablin, K. (2016). Entrepreneurs as a subject of development of the modern Russian economy: General characteristics and specifics of the «resource-type» regions. *Journal of Institutional Studies* **8**(2), 76–87 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.2.076-086
- Левин С.Н., Саблин К.С. (2022). Крупные российские предприниматели в условиях санкций: между «лояльностью» и «выходом». *Journal of Institutional Studies* **14**(4), 6–17. [Levin, S., Sablin, K. (2022). Russian big business under sanctions: The dilemma between loyalty and exit. *Journal of Institutional Studies* **14**(4), 6–17 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.4.006-017
- Левин С.Н., Саблин К.С., Каган Е.С. (2017). За пределами «стеклянного колпака»: инновационное предпринимательство в регионах «ресурсного типа» в России. *Journal of Institutional Studies* **9**(3), 119–132. [Levin, S., Sablin, K., Kagan, E. (2017). Beyond bell jar: Innovative entrepreneurship in resource-type regions of Russia. *Journal of Institutional Studies* **9**(3), 119–132 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.3.119-132
- Левин С.Н., Саблин К.С., Нестеров А.Ю. (2022). Политические связи крупных предпринимателей: мировой опыт и специфика России. *Terra Economicus* **20**(4), 6–22. [Levin, S., Sablin, K., Nesterov, A. (2022). Political connections of top entrepreneurs: World experience and specificity of Russia. *Terra Economicus* **20**(4), 6–22 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-6-22
- Мау В. (2002). Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития. *Вопросы экономики* **7**, 1–22. [Maу, V. (2002). Post-communist Russia in the post-industrial world: Problems of catching up development. *Voprosy Ekonomiki* **7**, 1–22 (in Russian)].
- Олсон М. (1998). *Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз*. Новосибирск: ЭКОР. [Olson, M. (1998). *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Rigidities*. Novosibirsk: EKOR Publishing (in Russian)].

- Шишков Ю.В. (2011). Государство и догоняющее развитие. *Мировая экономика и международные отношения* **6**, 15–29. [Shishkov, Yu. (2011). State and catch-up development. *World Economy and International Relations* **6**, 15–29 (in Russian)]. DOI: 10.20542/0131-2227-2011-6-15-29
- Яременко Ю.В. (1981). *Структурные изменения в социалистической экономике*. М.: Мысль. [Yaremenko, Yu. (1981). *Structural Changes in Socialist Economy*. Moscow: Mysl Publishing (in Russian)].
- Aligica, P., Tarko, V. (2014). Crony capitalism: Rent seeking, institutions and ideology. *Kyklos* **67**(2), 156–176. DOI: 10.1111/kykl.12048
- Custers, P. (2010). Military Keynesianism today: An innovative discourse. *Race & Class* **51**(4), 79–94. DOI: 10.1177/0306396810363049
- Engen, O. (2009). The development of the Norwegian petroleum innovation system: A historical overview. In: Fagerberg, J. et al. (eds.) *Innovation, Path Dependency, and Policy: The Norwegian Case*. Oxford: Oxford University Press, pp. 179–207. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199551552.003.0007
- Gallagher, K., Zarsky, L. (2007). *The Enclave Economy: Foreign Investment and Sustainable Development in Mexico's Silicon Valley*. Massachusetts: MIT Press.
- Gereffi, G., Sturgeon, T. (2013). Global value chains and industrial policy: The role of emerging economies. In: Elms, D., Low, P. (eds.) *Global Value Chains in a Changing World*. Geneva, WTO Publications, pp. 329–361. DOI: 10.30875/091420f7-en
- Grønning, T., Moen, S., Olsen, D. (2008). Low innovation intensity, high growth and specialized trajectories: Norway. In: Edquist, C., Hommen, L. (eds.) *Small Country Innovation Systems: Globalization, Change and Policy in Asia and Europe*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 281–319. DOI: 10.4337/9781847209993.00016
- Hansen, M. (2014). *From enclave to linkage economies? A review of the literature on linkages between extractive multinational corporations and local industry in Africa*. DIIS Working Paper № 2014:02.
- Henderson, J., Appelbaum, R., Ying Ho, S., Mohan, G. (2013). Beyond the enclave: Towards a critical political economy of China and Africa. *Development and Change* **44**(6), 1255–1272. DOI: 10.1111/dech.12061
- Humphrey, J., Schmitz, H. (2001). Governance in Global Value Chains. *IDS Bulletin* **32**(3), 19–29. DOI: 10.1111/j.1759-5436.2001.mp32003003.x
- Kordonsky, S. (2016). *Socio-Economic Foundations of the Russian Post-Soviet Regime: The Resource-Based Economy and Estate-Based Social Structure of Contemporary Russia*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Levin, S., Sablin, K. (2020). Russian economy as a pyramid of wealth enclaves: Political economy approach. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences* **13**(4), 538–546. DOI: 10.17516/1997-1370-0587
- Lu, X. (2000). Booty socialism, bureaupreneurs, and the state in transition: Organizational corruption in China. *Comparative Politics* **32**(3), 273–294. DOI: 10.2307/422367
- Painter, D. (2014). Oil and geopolitics: The oil crises of the 1970-s and the Cold War. *Historical Social Research / Historische Sozialforschung* **39**(4), 186–208. DOI: 10.12759/hsr.39.2014.4.186-208
- Rubin, P. (2015). Crony capitalism. *Supreme Court Economic Review* **23**(1), 105–120. DOI: 10.1086/686474
- Simmons, M. (1975). Western technology and the Soviet economy. *The World Today* **31**(4), 166–172.
- Stiglitz, J. (2002). *Globalization and Its Discontents*. New York: W.W. Norton & Co.
- Stoner-Weiss, K. (2006). *Resisting the State: Reform and Retrenchment in Post-Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CB09780511510403
- Tarkowski, A. (1990). Endowment of nomenklatura, or apparatchiks turned into entrepreneurchiks, or from communist ranks to capitalist riches. *Innovation* **3**(1), 89–105. DOI: 10.1080/13511610.1990.9968196